

Глава 8

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА И КРАХА

Правые партии в России, возникшие на волне борьбы с массовым революционным и оппозиционным движением и получившие в 1905—1907 гг. признательность и благодарность правительства и царя, пережили в дальнейшем непростую и, казалось бы, необычную для таких организаций судьбу. В итоге в февральско-мартовские дни 1917 г. не произошло ни одного массового выступления правых в защиту самодержавия. Правые партии превратились в аморфные объединения, которые без боя сдали позиции, отстаивавшиеся ими в течение 10—12 лет.

Самые низкие оценки реальных возможностей правомонархических партий и организаций в конце 1916 г. — начале 1917 г. можно встретить и в воспоминаниях современников, причем различной партийной принадлежности, и в официальных документах ДП МВД, и в свидетельствах самих правых.

Меньшевик Н.Н. Суханов так описал свои впечатления о правых в начале 1917 г.: «Черная сотня стинула в подполье. Высшее чиновничество также рассыпалось в мгновение ока. У царского режима еще до формальной ликвидации Романовых не осталось ровно никакой опоры и никаких надежд»¹. Сходные оценки давал и известный кадет В.Д. Набоков: «Все это было совсем не организовано, совершенно расстроилось и боевой силы не представляло»². А один из правых деятелей А. Муретов в выпущенной в 1917 г. брошюре признавал: «...организованной партии монархисты в России в последние годы не составляли, а под названием «правых» объединялась в обычном языке неопределенная масса весьма разнородных элементов»³.

¹ Суханов Н. Записки о революции. Кн. 2. Берлин, 1922. С. 9.

² Набоков В. Временное правительство: Воспоминания. М., 1924. С. 31.

³ Муретов А. Накануне. Пг., 1917. С. 3.

Анализируя причины этого явления, следует прежде всего указать на изменение отношения к правам со стороны правящих «верхов».

В чем же причина изменения отношения правительства, П.А.Столыпина к Союзу русского народа и другим подобным организациям? Известная телеграмма царя на имя А.И.Дубровина от 5 июня 1907 г. еще заканчивалась словами: «Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка»¹. Вспоминая о том времени, кадет А.А.Кизеветтер писал, что черносотенцы «чувствовали за собою какую-то опору, которая давала им возможность игнорировать самого Столыпина, формально возглавлявшего правительство»².

Однако в дальнейшем, после революции, П.А.Столыпин и его ближайшее окружение постарались если не избавиться, то во всяком случае «трансформировать» СРН, устранить его с политической авансцены, отделив царя от «союзников». И этот план во многом удалось реализовать.

В литературе, в частности мемуарной, неоднократно отмечалось, что начиная со второй половины 1907 г. отношение Николая II к СРН и его председателю А.И.Дубровину стало меняться: если раньше он явно благоволил к ним, то с этого времени его отношение к «союзникам» стало сугубо официальным. Прохладное отношение Николая II к правам было продемонстрировано и во время приема в Зимнем дворце вновь избранных депутатов Гос. думы в декабре 1912 г. Вот как это описано одним из участников: «Государь ни одного члена Гос. думы не оставил без вопроса, к каждому в отдельности он обращался с двумя—тремя вопросами. Крайним правым, Пуришкевичу и К⁰, на приеме чувствовалось неловко: Государь как-то не замечал их. За их [выходку] по поводу декларации Коковцова. Государь и вообще сферы остались ими недовольны...» При этом отмечалось, что Николай II необычно долго беседовал с кадетом В.А.Маклаковым³. А в конце 1916 г. просьба руководителей правых об аудиенции вообще не была удовле-

¹ Русское знамя. 1907, 5 июня.

² Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881 — 1914 гг.). Прага, 1929. С. 507-508.

³ Неизвестный автор (СПб.) — Г.Ф.Маркову. 21 декабря 1912 г. // Вопросы истории. 1999. Я» 11-12. С. 121; Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Гос. думы. Декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 17-18.

творена. Лишь в конце декабря 1916 г. *был* принят царицей руководитель Астраханской народно-монархической партии Н.Н.Тиханович-Савицкий.

Столыпину удалось охарактеризовать царю существовавшие на местах отделы СРН, направлявшие ему телеграммы и письма, как численно очень незначительные объединения, возможности которых были сильно преувеличены. Еще одной причиной охлаждения отношения «верхов» к правым стало, как можно полагать, определенное давление со стороны общественного мнения, российских и международно-банков, влиятельные представители которых могли указывать на несовместимость выдачи кредитов правительству, терпящему антисемитские выступления правых¹.

Премьер с помощью ДП МВД уже с конца 1907 г. стремился ослабить правых в СРН. В декабре 1907 г. В.М.Пуришкевич объявляет о создании нового правого объединения — Союза им. Михаила Архангела, который в марте 1908 г. был официально зарегистрирован.

Находится и «козел отпущения» в лице Дубровина и его приверженцев, на которых пытаются свалить все прошлые грехи (в том числе кровавые уличные схватки 1905—1906 гг. и убийства Герценштейна и Иоилоса). Одновременно продолжается откол от Дубровина и дубровинцев правых-обновленцев, которые должны были решать все вопросы уже только парламентскими средствами. В этих целях предпринимается попытка отстранить А.И.Дубровина от руководства СРН и как бы «обновить» лицо этой организации, что удалось сделать в 1909—1910 гг., когда к руководству Главным советом СРН фактически приходят Э.И.Коновницын и Н.Е.Марков. В 1908 г. ДП МВД напоминает местным властям о необходимости ликвидации «боевых дружин» (хотя их наличие как средства самообороны было зарегистрировано лишь в ряде сел Бессарабской губ.).

Тем не менее правительство продолжало выделять определенные средства и на правую печать, и на проведение съездов и совещаний правых монархистов, надеясь использовать их в случае возникновения «революционной смуты».

В итоге была создана видимость того, что виновником всех бед и несчастий, осуждавшихся цивилизованным об-

¹ См.: Кизеветгер А.А. Указ. соч. С. 507-508.

щесгвом, являлся даже не весь СРН, а Дубровин и его сторонники. При этом правительство пыталось убедить, что в будущем подобные «нежелательные» эксцессы не повторятся и всячески стремилось замести следы своих прежних связей с правыми. В пользу этой версии говорят, в частности, некоторые записи в дневнике генеральши А.В.Богданович. 14 апреля 1909 г. она пишет: «По словам Б.В.Никольского, обвинение Дубровина по делу убийства Герценштейна — большой для Дубровина козырь. Дубровин по этому делу притянет в суд Пуришкевича, так как они сообща орудовали, а деньги для уплаты на эти разные темные дела Дубровин получал от Пуришкевича, который, в свою очередь, получал их от Крыжановского с разрешения Столыпина». Запись от 20 сентября 1909 г.: «Был Б.В.Никольский... [По его словам], Восторгов — послушное орудие в руках Столыпина, так как получает от него субсидии через Кологривова... Про дело Дубровина и финляндский суд Никольский сказал, что это только начало, что даже в печати поднимаются голоса, что к убийству Герценштейна причастны Пуришкевич и Казаринов, затем поднимут разговоры о Столыпине, о Крыжановском, которые давали деньги на это убийство. Если Восторгов хлопочет изъять дело Дубровина из финляндского суда, то хлопочет он не даром, так как после этого дела евреи поднимут дело об убийстве Иоллоса, а кем он был убит? Подготовил для него убийц протоиерей Восторгов, убит был *Иоллос, как* и Герценштейн, на деньги Столыпина»¹.

Дворцовый комендант В.А.Дедюлин в беседе с дубровинцем Н.Н.Жеденовым в марте 1908 г. откровенно заявлял, что СРН «нужен был для противодействия уличной толпе, ходившей по улицам с красными тряпками. Чтобы прогнать эту толпу, я организовал тоже толпу — Союз русского народа, тоже из хулиганов. Союз русского народа был нужен, когда нужно было гнать красные тряпки, и в этом он оказал огромную услугу. А теперь он уже не нужен, красных тряпок на улицах уже нет. Раньше нужны были крики «Ура! Да здравствует царь, да здравствует самодержавие!», нужно было пение «Боже, царя храни», когда по улицам пели революционные песни. А теперь нужно иное. На той стороне — умственные силы, таланты,

¹ См.: Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 452-453, 474, 480.

образование, знания, а на этой стороне, кроме хулиганства и невежества, нет ничего»¹.

Выступая 31 июля 1908 г. на закрытом заседании отдела СРН в Ростове-на-Дону, Дубровин отмечал, что «Союз возник в тот момент, когда в стране царила полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился Союз, подавил революцию и спас Родину, — только он один и никто более; тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: «Уходите, Союз был нам не нужен, мы и сами управимся»².

В конце 1908 г. на страницах печати появились почти официозные сообщения о том, что правительство решило, наконец, принять меры против «революционеров справа». «Русское знамя» сообщало своим читателям: «Газеты пишут, что с нами, правыми партиями, решено покончить теперь раз и навсегда»³. Резкое изменение отношения правительства если не ко всему СРН, то к дубровинцам негативно отразилось на деятельности правомонархистов, что зафиксировано многими источниками, авторами различной политической ориентации. Так, И.И.Толстой записал в своем дневнике за 4 августа 1910 г.: судя по газетам, в СРН «происходит развал, по-видимому, не без участия, за кулисами, правительства: орган Дубровина «Русское знамя» и орган графа Э.И.[Коновницына] и священника И.И.[Восторгова] «Земщина» окатывают друг друга помоями. По-видимому, правительство поддерживает «Земщину» и «обновленный» Совет Союза против Дубровина»⁴.

Один из активных деятелей СРН академик А.И.Соболевский писал 25 февраля 1912 г.: «Правых старых [в составе СРН. — Ю.К.] начал еще Столыпин забирать в

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 853. Л. 29; Исторический архив. 2000. Мь 1. С. 90.

² Выступление А.И.Дубровина 31 июля 1908 г. // ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Л. 50-51; Союз русского народа С. 401; см. также: Уход А.И.Дубровина из Главного Совета СРН // ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 333-335; Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910; Почему мало слышно о деятельности СРН в настоящую войну // Русское знамя. 1915, 8 апреля; Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин: Петрополь, Б.г. С. 152—157.

³ См.: Русское знамя. 1908, 3 декабря (ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 5. Л. 13 и 14).

⁴ Толстой И.И. Дневник. 1906-1916. СПб., 1997. С. 322.

руки при помощи Пуришкевича, Восторгова, агентов Департамента полиции. Поход продолжается при Макарове [министре внутренних дел после П.А.Столыпина. — Ю.К.] с неменьшей силой. Недавно взято приступом Русское собрание»¹. Показательно в этом отношении и постановление дубровинского съезда в ноябре 1911 г., в котором подтверждалось решение частного совещания представителей СРН в Ярославле 8—11 марта 1909 г. считать враждебными организации, хотя и именующие себя монархическими, как СМА и т.п., но в действительности созданные с целью разрушения дела Союза и открытые после всероссийского съезда 1907 г. в Москве². Как вспоминал один из «союзников» Б.А.Пеликан, Столыпин, используя повышенное честолюбие товарища председателя СРН Пуришкевича, способствовал его ссоре с Дубровиным и созданию новой организации Союза Михаила Архангела³. Затем, весной—летом 1908 г. тот же Столыпин содействовал образованию — в противовес СРН — Всероссийского национального союза. Оба этих шага, бесспорно, дезорганизовали ряды правых. Но этим дело не кончилось. 9 декабря 1909 г. последовало очередное циркулярное письмо министра внутренних дел Столыпина, адресованное губернаторам, в котором указывалось, что «руководительство всякой политической организацией не только воспрещено начальствующим должностным лицам, в том числе и земским начальникам, но не может быть допущено», поскольку отвлекает их от исполнения прямых служебных обязанностей⁴. Это распоряжение внесло явное замешательство в среду чиновничества, которое стало опасаться вступления даже в правые организации.

Не случайно известный правый деятель, бывший председатель Одесского отдела СРН граф А.И.Коновницын заметил в письме от 4 января 1912 г., что в министерстве внутренних дел боятся объединенной монархической силы⁵.

¹ А.И.Соболевский (СПб.) — Т.Д.Флоринскому (Киев). 25 февраля 1912 г. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 109; см. также: И.Н.Голмачев (Мошонки Калужской губ.) — В.О.Потапенко (Одесса). 12 декабря 1911 г. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 98.

² Правые партии. Т. 2. С. 84.

³ Пеликан Б. Черносотенство // Русский стяг. Белград, 1926, 12 сентября (30 августа). № 14. С. 4.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 237. Л. 31.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 265. 1912. Д. 556. Л. 30; Вопросы истории. 1999. № 10. С. 104.

Хотя правительство П.А.Столыпина предпочитало Пуришкевича, Маркова 2-го и их сторонников Дубровину и дубровинцам, тем не менее и СРН-обновленческий, и СМА, и РМС испытывали в своей деятельности немало трудностей. Н.Е.Марков 2-й на заседании ЧСК Временного правительства дал следующую характеристику столыпинской политики в отношении «союзников»: «По внешности к нам относились хорошо и даже субсидировали, а в сущности нас уничтожали». «Мою идею и идею моих ближайших единомышленников всячески расстраивали, — говорил Марков, — а идея была — создание единого монархического органа... Политика его [Столыпина. — Ю.К.] влекла к розни; например, одним Союзам покровительствовали на местах, а другие — преследовались... Рознь поддерживали всячески: в одних городах поддерживали наших, в других — дубровинских; в третьих — третьих, во всяком случае эта розница правительственного отношения, несомненно, имела значение»¹. Об этом же Н.Е.Марков писал и в своей книге, изданной в Париже в конце 20-х годов. Как только наступило «успокоение» после 1905—1907 гг. «СРН стали определенно теснить, принижать и вести к разложению... Либеральная же министерская мелочь вроде Коковцова, Философова, Тимирязева, князя Васильчикова, барона Нольде и им подобных злобно шипела на СРН и в своих ведомствах приняла на членов Союза гонение. Этим достигалась двойная цель: устранялись из ведомства непрошенные наблюдатели и обличители противогосударственной работы и одновременно заслуживалось одобрение определенных сфер, связанных с банками»².

Знаменательно и еще одно признание Н.Е.Маркова. Так, он писал: «Недостаточно было численного превосходства и монархической настроенности глубоких толщ простого народа. Необходима была соответствующая организация этих толщ, и организация, конечно, не частная, не любительская, а общественная — государственная. Союз русского народа времен 1906—1907 годов с его 3—4 тысячами местных советов представлял великолепное ядро для образования такой государственной организации всенародного монархизма. Если бы тогдашнее правительство... подержало бы и осуществило бы правильную спасительную

¹ Падение царского режима. Т. 6. С. 194—195.

² См.: Марков Н.Е. Войны темных сил. С. 116.

мысль о необходимости опереть верховную власть на организованную в мощные монархические Союзы лучшую часть народа, — история России была бы совсем иная»¹. Б.А.Пеликан уже в эмиграции также отмечал, что «правительство разрушило сильную и деятельную единственную организацию СРН и, разрушив ее, не сумело организовать другую»².

В итоге в среде правых усилились внутренние противоречия, росли разобщенность и разногласия. А.В.Богданович зафиксировала 19 октября 1909 г. следующие высказывания правого депутата III Думы землевладельца; Я.В.Кривцова: «У левых... страшная дисциплина, все левые (в Думе. — Ю.К.) единомышленны по каждому вопросу, а правые — наоборот. По закону 8 ноября Вязигин и др. говорили за закон, а он, Кривцов, состоя с ними в одной партии, говорил против этого закона. У левых же никогда бы не допустили до этого раскола»³. В конце 1911 г. «Московские ведомости» напечатали статью, в которой указывалось на важность создания в Государственной думе консервативного центра, но вместе с тем отмечались огромные трудности, стоявшие на пути к такому объединению. В статье говорилось: «Казалось бы, твердую реальную силу должны создать фракции правых. Для этого у них все данные, начиная от программного признания монархического принципа и кончая искренним желанием вернуть Россию в нормальную колею жизни. Но и они не сумели создать консервативного центра. Правые организации родились в самый разгар борьбы. Внимание их главным образом приковывала задача противодействия революционной волне. Когда же понадобилась положительная государственная работа, у них не оказалось должной сплоченности. Успешно действовавшие в одиночку партизанские отряды не сумели слиться в армию. На рядовую монархическую массу ссоры между правыми фракциями производили удручающее впечатление. В тонкостях их закулисных она не могла разобраться, а потому отказывалась переварить тот факт, что люди, поднявшие одно и то же знамя, защищающие одно и то же дело, предают друг

¹ Там же. С. 118.

² Пеликан Б. Черносотенство // Русский стяг. Белград, 1926, 12 сентября (30 августа). № 14. С. 4.

³ Богданович А.В. Указ. соч. С. 481; см. также: Павлов Н.А. Записка Н.А.Павлова. В Совет Монархической партии. М., (1908).

друга анафеме. В результате и тут не явилось внушительной силы, способной к консервативной работе»¹.

Хотя основные шаги с целью раскола СРН представителями правительства были сделаны во второй половине 1907 г. — 1908 г., определенная деятельность в этом направлении продолжалась и позднее. Это сказывалось на повышенном внимании «верхов» к некоторым правомонархическим деятелям (например, к о. И.И.Восторгову, в котором Дворцовый комендант В.А.Дедюлин видел даже возможного руководителя СРН). В 1910 г. произошел открытый разлад между определенной частью одесских правомонархистов и А.И.Коновницыным, первым председателем местного отдела СРН. Хотя разрешение А.И.Дубровину провести съезд в 1911 г. формально преследовало цель содействовать «внутреннему благоустройству и распорядку в Союзе», однако, нетрудно было предвидеть дальнейшие расхождения между правыми, что соответствовало проводившейся ДП МВД старой линии на дробление и ослабление партийных сил, даже правомонархистов.

В июне 1914 г. генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губерний Ф.Ф.Трепов активизировал усилия с целью создания в крае «Братств», которые были носителями идей триады, но представляли собой самостоятельные — по отношению к существовавшим союзническим организациям — объединения².

Первая мировая война сначала привела к определенному ослаблению межпартийной борьбы во имя национального единения. Утихли на время и распри между различными правыми партиями. Но, когда летом 1915 г. в условиях отступления на фронте и обострения политической ситуации в тылу партийная борьба в России вновь оживилась, разногласия в среде правых даже усилились, чему отчасти способствовало и само правительство, создав еще одну правую партию — Отечественный патриотический союз во главе с В.Г.Орловым.

Необходимо сказать, что формальные шаги к объединению делались и накануне, и в годы войны. В открытом письме уполномоченного Саратовским совещанием Н.Н.Тихановича-Савицкого, опубликованном в «Русском знамени» 14 ноября 1915 г., в качестве одной из главных

¹ Вестник Союза русского народа. 1911, 23 декабря. № 81. С. 10—11.

² См.: ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 244. Л. 126.

задач предстоявшего ноябрьского совещания в Нижнем Новгороде указывалась и такая: «...прекратить между главарями Союзов раздоры, парализовавшие деятельность значительного числа Союзов...»¹. Однако реального улучшения положения за этим не последовало, несмотря на то, что ДП МВД удалось «примирить» Н.Е.Маркова и А.И.Дубровина, которые впервые после организационного разлада в 1909 г. присутствовали на обоих ноябрьских совещаниях правых 1915 г. Но оба совещания в ноябре 1915 г. выявили весьма нерадужную картину взаимоотношений правых. Союз Михаила Архангела отказывался участвовать в совещаниях, так как его председатель В.М.Пуришкевич считал, что единственно оправданной в условиях войны является деятельность, направленная на помощь фронту. Эта линия выдерживалась СМА вплоть до февральско-мартовских дней 1917 г. Кроме того, на совещание в Петроград не приехали представители ряда провинциальных организаций, не пожелавших «затеряться» среди столичных сановников, приглашенных на совещание. Председатель Отечественного патриотического союза В.Г.Орлов оказался там «иногородным участником».

Из 4-х основных партий (кроме отделившегося Национального союза) две партии в начале 1917 г. по разным причинам не должны были участвовать в предполагавшемся съезде. СМА во главе с В.М.Пуришкевичем запретил своим членам участвовать в съезде под угрозой исключения из Союза. Отечественному патриотическому союзу В.Г.Орлова было отказано вследствие непродолжительного срока существования (менее 2 лет).

Распря коснулась и правых депутатов IV Гос. думы и была связана с особой позицией В.М.Пуришкевича, вышедшего из правой фракции, чтобы произнести речь, с содержанием которой не были согласны другие члены фракции (Н.Е.Марков заявлял, что она напоминала речь кадетов).

Председатель правой фракции III Думы проф. А.С.Вязигин, сравнивая деятельность правых в IV и III Думах, констатировал неудачи последних лет. Он писал члену Гос. совета А.А.Ширинскому-Шихматову 15 января 1917 г.: «...В 4-й Гос. думе, по чрезвычайно огорчившему меня сообщению Г.Г.[Замысловского] и Н.Е.[Маркова], правые теперь не имеют никакого значения, тогда как в

¹ Русское знамя. 1915, 14 ноября; Правые партии. Т. 2. С. 462.

3-й они занимали несколько иное положение. Мне думается, что можно было бы избежать скандального распада фракции, крайнего обострения отношений, утраты талантливого В.М.Щуришкевича], нуждающегося иногда в дружеском воздействии»¹.

Газета Русской монархической партии «Коренник» в номере от 10 января 1917 г. называла основной бедой правых их обособленность. «В то время, когда враги сплачивались и объединялись, мы все дальше расходились друг от друга, пока и вовсе мы все не разбрелись по своим углам, где мы так упрямо и так мрачно сидим в бездействии в теперешние лукавые дни. Все, что происходит в политической жизни страны, происходит без нашего участия. Призывы отдельных лиц, как о каменную стену, разбиваются о всеобщее равнодушие правых. Немногие правые деятели, проявляющие хоть какую-нибудь активность, остаются безо всякой поддержки и в полном одиночестве, и вполне естественно, что они перестают бороться...»²

Под влиянием, в известной мере, этих раздоров и распрей, а также других причин в среде правомонархистов после революции 1905 — 1907 гг. были отмечены случаи отхода от движения и даже определенного «левения» известных в прошлом деятелей. Все это происходило на фоне очевидного отсутствия «идейного» интереса к правомонархическим партиям и организациям со стороны представителей интеллигентных слоев общества.

Накануне войны отходят от активной деятельности бывший председатель III Гос. думы профессор истории А.С.Вязигин, депутат III Гос. думы И.П.Сазонович, член Главного совета СРН академик А.И.Соболевский, товарищ председателя ВДСРН, юрист и поэт Б.В.Никольский, редактор «Московских ведомостей» Л.А.Тихомиров, бывший председатель РМП архимандрит И.И.Восторгов, член Главной палаты, управляющий канцелярией СМА В.В.Казаринов, А.И.Тришатный. С.А.Володимеров был назначен вице-губернатором в одну из сибирских губерний.

* Скончались видные правомонархисты — А.П.Крушеван, В.Ф.Доррер, В.А.Грингмут, Б.М.Юзефович, А.И.Покровский, К.Ф.Головин, П.Н.Дурново, А.С.Шмаков, член Совета СРН А.К.Щекин, Э.И.Коновницын.

¹ ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 265. 1917. Д. 1069. Л. 8.

² Голос правой печати // Коренник. М., 1917, 10 января (ГАРФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 244. Л. 18 об.).

Шместе с тем имел место и отход некоторых правых деятелей в «левую» сторону: В.А.Бернова — к националистам, А.А.Майкова — к октябристам. В годы войны отошли от правоверных позиций правых В.Г.Орлов, В.М.Скворцов, создавшие Отечественный патриотический Союз, и В.М.Пуришкевич, которому инкриминировалось его бывшими сподвижниками «полевение»¹ и который потянул за собой всю Главную палату СМА (Н.Д.Облеухова и др.).

Новых сколько-нибудь ярких фигур правомонархисты за предвоенные и военные годы не выдвинули. Это свидетельствовало об определенной стагнации, переживавшейся их партиями.

Сходные «подвижки» были отмечены печатью и в среде избранных в IV Гос. думу депутатов. Так, кадетская «Речь» писала в ноябре 1912 г.: «...непримиримыми правыми остаются лишь несколько десятков членов, по-видимому, значительно меньше той цифры 70, на которую высказывал надежды г. Г.Г.Замысловский. Остальные «правые» перекочевывают налево, не только в националисты и октябристы, но даже в ряды оппозиции»².

Распри, раздоры, которые были характерны для правых многие годы, не только осложняли их деятельность, ослабляли ее, но и как бы высвечивали те негативные черты их облика, которые всячески подчеркивались в общественном мнении либералами и радикалами. И это являлось основанием, чтобы и царь, и правительство «держали» определенную дистанцию.

И накануне, и в период войны правомонархисты болезненно ощущали прохладное отношение царя, интересы которого они так ревностно отстаивали. Недоумение и горечь, связанные с отношением царя и правительства, «присутствовали» во многих документах представителей правомонархических и «низов», и «верхов»³. Им была непонятна неостребованность верховной властью, что вызывало огорчение, обиду и в конечном счете порождало апатию. Это отмечал и ряд исследователей-историков. В.В.Зверев

1 См.: Речь Н.Е.Маркова // Бесплатное приложение к газете «Земщина» (1916. № 305); Глинка С. Причины полевения // Земщина. 1916, 16 декабря. № 320. С. 2.

2 См.: Правые партии. Т. 2. С. 126, 538, 594, 615, 624, 664; Источник. М., 1995. № 6. С. 21.

3 См.: Речь. 1912, 5(18) ноября (ГАРФ. Ф. 579 (П.Н.Миллюков). Оп. 1. Д. 6824. Л. 164).

в одной из работ, посвященной русскому консерватизму в начале XX в., заметил: «Невостребованность консервативных идей самодержавием приводила к ситуации, когда защитники политического строя вынуждены были, пусть не в открытой прессе, а в личных посланиях, высказывать суждения, далекие от апологетики власть предержащих»¹.

Как отмечал начальник жандармского управления Одессы 15 января 1916 г., «большинство работников правых организаций, называя свою деятельность общественно-правительственной, считают себя обиженными неполучением почетных наград, которые их удовлетворяли бы, как показатель доброго и благожелательного отношения к ним центральной и местной власти, в благодарность за услугу правительству»².

У многих правомонархистов сохранилось в подсознании, что их усердие в отстаивании монархических начал в 1905 — 1907 гг. царем не было вознаграждено. И.И.Восторгов в речи 3 марта 1911 г. отмечал: «Что проделывает бюрократия с деятелями 1905 и 6 годов: «Антония Волинского спустили, Митрофана Пензенского, Николая Таврического, Гермогена Саратовского, Илиодора... — это в области духовной. В гражданской то же. Был Гершельман в Москве, но его выгнали; в Иркутске нет уже Селиванова. Каким-то чудом держится Думбадзе... Есть еще Толмачев, но последние двое вот уже пять лет как не получают ни одной награды...»³. В этой же связи показательно письмо Тульского губернатора А.И.Тройницкого от 26 апреля 1915 г. В нем говорилось: «После войны несомненно будут внутренние осложнения.,, могут наступить времена похуже 1905 г. Когда мы усмиряли революцию, то нас даже не поблагодарили за это, и самых твердых усмирителей держат в черном теле, в том числе и меня. Пожалуй, на этот раз немного найдется охотников помогать усмирению — пример перед глазами и в памяти у всех»⁴.

Памятны многим были и аресты активных участников столкновений с радикалами и либералами на митингах в

¹ См.: Россия в условиях трансформации: Материалы. Вып. 2. М., 2000. С. 34.

² ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 151. Л. 50.

³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 853. Л. 76-77; Вопросы истории. 1998. № 10. С. 106.

⁴ ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 265. 1915. Д. 1020. Л. 812; Правые партии. Т. 2. С. 664.

1905 г. Некоторые из них продолжали отбывать наказание и накануне мировой войны¹.

Однако, не только политика властей, направленная на раскол правомонархистов и ограничение их активности в обычное, «мирное» время, и постоянные распри между ними являлись причиной их слабого и к тому же угасавшего влияния в обществе после 1905 — 1907 гг. Их программные установки — при всей популярности некоторых из них среди части населения — имели и очевидные уязвимые места. Либеральная печать отмечала, что даже их «конкуренты» (националисты, умеренно-правые, правые октябристы) стояли «ближе к настоящему времени». В этой связи отмечалось, что «государственное положение России, внутри и за границей», «усложнившиеся условия во всех областях жизни, начиная с вопроса о государственной обороне и кончая экономическим подъемом страны, не говоря уже о серьезной связи России с западноевропейскими государствами в области международных отношений» — все это требовало «ответственного участия народного представительства в государственной работе», однако оно было невозможно в законосовещательном органе, о котором не переставали говорить правомонархисты.

Правомонархисты не были противниками прогресса, но в силу своих программных установок уделяли мало внимания вопросам экономического и социального развития страны. При всей привлекательности отстаивания интересов отечественного производителя программа правых уходила от решения сложных экономических вопросов. «Охранительные» установки правых в области среднего и высшего образования в условиях 1912 — 1914 гг. были просто не реалистичны.

Как отмечала одна либеральная газета в связи со съездом правомонархистов в 1909 г., «они остались за флагом жизни, ушедшей вперед. Вот в чем ахиллесова пята нашего ультрамонархизма и вот где лежит причина его неуспеха... Новой жизни у них учиться нечему»². Известный публицист, «националист» М.О.Меньшиков, которого нередко постигало «просияние ума», как отмечала одна из газет в том же 1909 г., «выразил сочувствие черносотенной

¹ См.: Почетный председатель Барнаульского отдела ВДСРН — Главному совету ВДСРН. 7 мая 1913 г. // ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 531. Л. 11; Вопросы истории. 1999. № Ц-12. С. 125-126. .

² См.: Саратовский листок. 1909, 8 октября (ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 102-102 об.).

оппозиции и преподавал ей несколько благоразумных советов». Они звучали следующим образом: «Бросьте афишировать вашу преданность старому отжившему строю. Не будьте большими католиками, чем сам Папа. Признайте, что старый строй, приведший страну к краху, перестал быть национальным. Дума гораздо более национальна, чем приказный строй с безответственностью бюрократии. Как политическая партия, правомерно действующая в рядах других организаций, вы можете стать реальной силой, но для этого вам нужно догнать жизнь, далеко ушедшую вперед и оставившую вас далеко позади»¹.

В известном смысле правомонархисты отставали не только «от жизни», они часто оказывались не понятыми правительством, что ставило их в двусмысленное и весьма затруднительное положение. Это отмечалось и в официальных документах, и в переписке самих правых деятелей. Так, в «Обзоре движения монархических организаций с июня по декабрь 1909 г.» ДП МВД отмечалось, что было пропущено «несколько удобных моментов к извлечению реальной пользы из монархических организаций; и это приводит представителей патриотов к убеждению, что правительство намерено играть в руку конституционализму или же что такова воля царствующего **монарха**»². К.Н.Пасхалов, принятый Николаем II в марте 1912 г. и представивший ему картину «прогрессирующего разложения государства», а также направления, «откуда движутся грозные тучи», следующим образом описал Д.А.Хомякову свои впечатления о визите: «...в душе чувствовал во всем не счастье, а конечную безнадежность, как будто я покинул постель отчаянно и неизлечимо больного человека. Да оно так и есть. И Он, и все, что Его окружают, больны недугом «русского» либерализма, который и приведет нас к гибели»³. Этот взгляд разделялся, видимо, не всеми правомонархистами, но тем не менее он был весьма показателен. Журнал Союза Михаила Архангела «Прямой путь» отмечал на своих страницах в 1913 г., что правительство В.Н.Кокорцова создало большинство в IV Гос. думе (Крупенский, Родзянко, Милюков), которое было

¹ Раннее утро. СПб., 1909, 30 сентября (ГАРФ. Ф. 102.00 (3 д-во). 1909. Д. 172. Л. 48).

² Союз русского народа. С. 107.

³ ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 265. 1912. Д. 565. Л. 962; Вопросы истории. 1999. № 10. С. 111-112 и 113.

«левее правомонархистов»¹. Война не могла не обнажить создавшееся положение, что привело к еще более неутешительным признаниям. Весьма впечатляющие слова на этот счет находим в письме А.И.Дубровина от 29 января 1916 г.: «Подумываем прекратить «Русское знамя». Все взвешено и обдумано. Хочется сбросить с себя костюм Дон-Кихота. Что там ни говорите, а мы в сущности все Дон-Кихоты: играем вничью и служим мишенью как для левых, так и для власть предержащих. С нами не считаются, а когда нужны, пальчиком помянут, и мы тут как тут... Выходит: положи душу и тело за други своя... Требование — больше Евангельского... нельзя быть роялистами больше короля»².

Заметное влияние на состояние и активность правых организаций и партий оказывали социальные, экономические и политические условия, которые существенно менялись, особенно после окончания революции и после начала Первой мировой войны. Так, один из выступавших в конце 1909 г. на собрании Саратовского отдела СРН, выясняя причины упадка духа среди союзников и равнодушия к Союзу («раньше к нам на собрание приходили сотни, а теперь являются десятки») сказал: «Отчего это? Да от того, что теперь мы не видим забастовок, от того, что около нас не лопаются бомбы»³. Из этого вытекает, что в 1905 — 1907 гг. определенную и, видимо, значительную часть населения сближало с местными отделами правомонархических организаций желание получить поддержку и защиту в период смуты. С «налаживанием» обстановки эта часть «союзников» стала отходить от организаций и тяготиться членством в них.

В годы войны? мобилизация в армию привела к сокращению численности членов организаций (причем наиболее активной части), некоторые организации даже закрылись из-за ухода активных деятелей в армию (как в Екатеринодаре)⁴, отсутствия денежных средств (как в Севастополе)⁵

¹ Прямой путь. 1913. Вып. 3 (март). С. 215.

² Минувшее. Т. 14. С. 181.

³ Саратовский вестник. 1909, 22 декабря (ГАРФ. Ф. 102.00. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 5. Л. 221).

⁴ См.: Председатель Екатеринодарского отдела ВДСРН М.Н.Селенкин - Главному Совету ВДСРН. 23 декабря 1914 г. // ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 271. Л. 34; Вопросы истории. 1996. № 1. С. 118.

⁵ См.: Председатель Севастопольского отдела СРН А.П.Розанова — Главному Совету ВДСРН. 8 августа 1915 г. // Исторический архив. М., 1994. № 5. С. 43.

или ослабили свою деятельность в связи с переключением внимания с партийных дел на житейские дела и помощь армии¹.

Вместе с тем после первой революции, еще накануне войны, под влиянием быстрого промышленного развития, притока на городские предприятия значительной массы деревенской рабочей силы, их необустроенности, распространения либеральной и даже радикальной печати, деятельности Гос. думы, рабочего движения разрушались прежний уклад жизни и связанные с ним представления. Происходило размывание и потускнение монархических и религиозных устоев в среде различных слоев населения. Война лишь на начальном этапе приостановила этот процесс. Однако, с затягиванием войны и ухудшением продовольственного положения он усилился. И все это нашло отражение в различного рода источниках, исходивших в частности и непосредственно от правомонархистов. Так, в феврале 1912 г. известный правый деятель генерал И.Н.Толмачев писал председателю Одесского СРЛ Н.Н.Родзевичу: «Среди правых — глухой ропот, а на носу выборы. Какая-то будет Гос. дума? Господи, да неужели нам с вами предстоит дожить до полного крушения монархизма?»².

В октябре 1916 г. начальник Московского охранного отделения, передавая заключение А.И.Коновалова о полевении различных кругов московского общества, писал: «В настоящий момент, — выразился Коновалов, — температура Москвы неизмеримо выше, чем была даже в 1905 — 1906 гг. От бывшего монархического настроения Москвы не осталось и следа. Налицо даже все признаки антидинастического настроения...»³.

Сковывала и затрудняла деятельность правых организаций запретительная и ограничительная — в интересах поддержания социального и национального мира — политика властей и местной администрации в отношении массовых мероприятий и т.п., отсутствие с их стороны заинтересованности и поддержки, без чего развертывание деятель-

¹ См.: Председатель Владимирского отдела ВДСРН Д.А.Чернов — А.И.Дубровину. 30 мая 1915 г. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 40.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1912. Д. 562. Л. 643; Вопросы истории. 1999. № 10. С. 109.

³ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 142.

ности правых организаций на местах было затруднительно или невозможно. В ряде же губерний отмечалось откровенно недоброжелательное отношение местных властей к деятельности правых организаций, объяснявшееся стремлением оградить себя от дополнительных хлопот. Все это достаточно четко отразили многочисленные полицейские документы. Так, начальник Смоленского ГЖУ доносил Департаменту полиции 6 февраля 1916 г., что дело «тормозится, во-первых, отсутствием интеллигентных сил и денежных средств и, во-вторых, неизвестностью, как отнесется правительственная власть к такой организационной работе. Интеллигентные силы могли бы быть пополнены служащими различных правительственных учреждений, но и здесь царит неуверенность, будет ли такое участие допущено [властями, правительством. — Ю.К.]»¹ В донесении начальника Черниговского ГЖУ (декабрь 1915 г.), констатировавшем «безжизненность монархических организаций» в губернии, указывались следующие меры, которые могли бы способствовать их возрождению: 1) полное сочувствие чинов губернской администрации; 2) доброжелательное отношение начальников воинских частей; 3) денежное пособие, хотя бы на первое время; 4) беспрепятственное предоставление помещений народных домов, а также общественных учреждений для собраний организаций; 5) массовое распространение среди населения органов правой печати². В некоторых случаях в полицейских документах подсказывались и способы оживления и расширения деятельности правых организаций. Касаясь такого большого вопроса, как отсутствие денег, начальник Казанского ГЖУ писал 19 февраля 1916 г.: «Русское собрание и Союзы русского народа [местные правые организации. — Ю.К.] могут мобилизовать свои силы путем создания новых отделов в уездах губернии, где могут найтись преданные Союзу люди. Средства для этого могут быть взяты взаимнообразно из сумм попечительства о народной трезвости, которое [помимо] инвентаря и земельной собственности имеет достаточный наличный фонд. Такая мобилизация в результате может дать несколько тысяч преданных Родине и Государю людей»³. Однако в полицейских и иного рода документах позднейшего времени не были за-

¹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 151. Л. 88-89.

² См.: Там же. Л. 154.

³ Вопросы истории. 1996. № 4. С. 150.

фиксированы сведения о том, что подобные предложения получили реализацию.

Наиболее существенным фактором падения влияния правых партий и организаций в годы войны являлось бессилие правительства, властей, а также правомонархистов предотвратить все увеличивавшийся рост продовольственных и хозяйственных трудностей.

В условиях нехватки предметов первой необходимости, прежде всего продовольствия, и неспособности правительства и местной администрации исправить положение на фронте и в тылу, отношение рабочих к власти и к правым партиям и организациям, стремившимся всячески выгородить и поддержать правительство, заметно меняется: предубеждение, что участие в массовых выступлениях, согласно установкам правых, недопустимо в среде рядовых союзников исчезает. Процесс этот начался еще накануне войны, а затем углубился и получил как бы естественное завершение¹. На совещании губернаторов центральных губерний летом 1916 г. Б.В.Штюрмер вынужден был констатировать, что «настроение в губерниях изменилось не в пользу правых партий»². Примечательны в этом отношении и выдержки из писем известной правой деятельницы С.Л.Облеуховой председателю СМА В.М.Пуришкевичу. 12 октября 1916 г. она писала: «Бессмысленное стояние в «хвостах» по нескольку часов и озлобило, и распустило народ. Улица превратилась в клуб, где все недовольство и возмущение объединяет всех и вся. Нужна только маленькая искра, чтобы начались поголовные погромы»³. В другом ее послании от 18 октября говорилось: «Боюсь, что почва подготовлена дороговизной, а народ жестоко развращен целодневным стоянием на улице во всевозможных «хвостах». Такая толпа не станет рассуждать и думать о

¹ Можно думать, что в какой-то мере эти изменения в настроениях и поведении рабочих отразило письмо петроградской правой деятельницы О.Н.Морозовой А.И.Дубровину от 26 августа 1915 г. Она сообщала о слухах, будто «28 августа рабочие петроградских заводов и фабрик устроят по Петрограду грандиозное шествие с требованием ответственного министерства. Если их требование удовлетворено не будет, они бросают работу и войне конец. Слышала об этом я от живущего у меня студента... Что же это опять будет — по примеру окончания японской войны?..» (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 808. Л. 63; Вопросы истории. 1996. № 1. С. 126).

² Красный архив. М.; Л., 1929. Т. 2 (33). С. 145, а также 168.

³ ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 265. 1916. Д. 1057. Л. 754; Минувшее. Т. 14. С. 200.

том, что сейчас бунты у нас нужны только немцам»¹. Но это недовольство, прежде всего городского населения, олицетворяли не «законопослушные верноподданные» правые, стремившиеся удержать рабочих от стачек и иных массовых выступлений, а критически и оппозиционно настроенные радикальные и либеральные партии, Прогрессивный блок, Государственная дума, такие общественные организации как Земский и Городской союзы, ЦВПК, а также кооперация. Лигитимистская же позиция правомонархистов в условиях экономического кризиса приводила к явному охлаждению к ним народных масс.

Заслуживает внимания и информация председателя отдела ВДСРН на Нелеповском руднике Екатеринославской губ. (Донбасс) М.А.Мыцова товарищу председателя Главного совета ВДСРН Е.А.Полубояриновой от 3 января 1917 г. Мыцов писал: «Есть лица такие, которые, во-первых, не верят, что наш возлюбленный самодержец неограниченный... Во-вторых, говорят, что Марков 2-й — эта одна организация с Дубровиным А.И., а также с Пуришкевичем... Я спору, что, мол, Дубровин стоит за народ, а мне говорят: «Вы, правые, вы держите руку за правительство, за министров. Мы если прошение пошлем, то оно будет лежать под сукном». А я говорю: «Надо посылать через Главный совет ВДСРН». А в устав Союза русского народа не верят... Они говорят, что Главный совет Союза русского народа и редакция «Русского знамени» не вышлют тебе никакого убеждения, там на нас «здорово» обрешают внимание... Они все такого направления... — и говорят многие все с обидой на возлюбленного самодержца... Да еще вот новое дело. Я должен донести до сведения Главного совета, что у нас ходят слухи еще от мая месяца 1916 г.², что будут сильные забастовки, так что все движение станет и поезда. Дела, братцы, серьезные приходят — то, что в 905 году... Может, некоторые во время несчастного случая и поддержат, хотя немного, руку Союза русского народа...»³.

Эти перемены в психологии рядовых «союзников» отразила и перлюстрированная переписка. Так, некто Р.Со-

¹ ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 265. 1916. Д. 1057. Л. 792; Минувшее. Т. 14. С. 202.

² В мае 1916 г. в Донбассе была крупная стачка шахтеров на экономической почве.

³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 132. Л. 23-23 об.; Исторический архив. 1994. № 5. С. 76.

колов писал из Москвы 12 января 1917 г.: «Сегодня вот что было: группа фабричных рабочих — мужчин и женщин — пошли на Театральную и Красную площадь... Рабочие [кричали]: «Нам надо хлеба» ...Говорят, что скоро будет большой бунт. Рабочие говорят, что если они поднимут восстание, то студенты тоже поднимутся, радуются, что теперь нет черносотенцев, что все идут за народ. Прошли те времена, когда мужики студентов с Каменного моста в Москву-реку бросали за то, что те были против правительства; теперь правительство последние деньки доживает»¹.

Отношение крестьян к правым, видимо, было не столь однозначно негативным, но все же становилось со временем более прохладным и безразличным. В.И. Ленин еще накануне войны отмечал наличие в среде крестьян-правомонархистов (черносотенцев) «темного мужицкого демократизма, самого грубого, но и самого глубокого»². И время от времени даже в среде этих законопослушных верноподданных прорывался «голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и натасканность». И происходило это в определенной мере вследствие постоянных, частых «сбоев» в решении даже несложных вопросов местными властями, соседями-землевладельцами. И как отмечал В.И. Ленин, из десяти правомонархистов и их сторонников «в любой деревне девять, наверное, окажутся в конце концов не так туги на усвоение уроков жизни...»³.

Один из известных правых деятелей в черноземных губерниях, бывший до войны председателем Пензенского отдела СРН В.П. Архангельский сообщал А.И. Дубровину о своем посещении сел Тамбовской губ. в конце 1915 г.: «Содействия со стороны властей я ни в одном селе не встретил и не мог даже собрать 24 человека, чтобы составить Совет. Причина этому та, что земство глубоко пустило корни в крестьянскую жизнь. В каждом большом селе имеется земская потребительская лавка, кредитные и другие кооперативные общества, словом, земство не спит, и нужно согласиться, что земство — хозяин положения в селе. Революция при создавшемся положении и подготовке со стороны земства весьма возможна. В противовес зем-

1 ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 265. 1917. Д. 514. Л. 95.

2 См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 18.

3 Там же. С. 19.

ству надо изъять потребиловки и открыть желанные крестьянам кооперативные общества от имени правых и всячески завлечь крестьян на свою сторону...»¹.

В годы войны от правых отошли и некоторые интеллигентные силы, и купцы, и торговцы, что привело к постоянной нехватке у правых и интеллектуальных сил, и материальных средств. Во всеподданнейшей телеграмме Саратовского совещания представителей монархических организаций (август 1915 г.) констатировалось «предательство интеллигенции и промышленных классов», старавшихся ради своей корысти использовать тяжелое положение страны и вырвать из рук царя самодержавную власть². В «Обращении» к правительству этого же совещания указывалось на то, что «большинство интеллигенции», за спиной которой стояли «синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи», рассчитывало «при помощи подкупных и безответственных депутатов Гос. думы» издавать подходящие для них законы «для обирания населения», и звучало напоминание: «Поддержку смуты и забастовок со стороны богачей мы уже видели у нас в 1905 г.»³. Об этом тогда же писал известный правый деятель Н.Н.Тиханович-Савицкий⁴. На ноябрьском совещании в Петрограде 1915 г. председатель правой фракции Думы С.В.Левашов говорил, что, судя по печати, в торгово-промышленном классе зреет убеждение, что для него настала пора выступить на арену политической жизни⁵.

Уже в середине 1915 г. обозначился раскол в среде дворянства. Как известно, некоторые уполномоченные съездов Объединенного дворянства (граф Д.А.Олсуфьев, В.И.Гурко, П.Н.Крупенский, В.Н.Львов) открыто встали на сторону оппозиции, войдя в Прогрессивный блок, высказавшийся за создание правительства «общественного доверия». В связи с созданием Прогрессивного блока Постоянный совет Объединенного дворянства, возглавлявшийся А.П.Струковым, на своем заседании 20—22 августа 1915 г. принял заявление, в котором отмечалось, что Блок

¹ Минувшее. Т. 14. С. 178.

² ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 15, 37; Правые партии. Т. 2. С. 444.

³ Правые партии. Т. 2. С. 454.

⁴ См.: Там же. С. 445.

⁵ См.: Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 г. в Петрограде. С. 12-13.

имеет целью «изменение существующего государственного строя и поэтому следует поставить в известность правительство, что русское дворянство не сочувствует подобным идеям». 23 августа соответствующее послание было направлено председателю Совета министров И.Л.Горемыкину и получило широкую известность. Но этот документ Постоянного совета безоговорочно поддержали лишь пять дворянских собраний, тогда как большинство собраний выразило недовольство заявлением Постоянного совета о том, что только твердая власть является единственным средством для наведения в стране порядка. В знак протеста полтавское, костромское, смоленское и уфимское дворянские собрания вышли из Объединенного дворянства, а петербургское собрание приостановило свое членство. На XII съезде уполномоченных дворянских обществ 27 ноября 1916 г. впервые прозвучала критика в адрес монарха. В.Н.Львов выступил с критикой письма Струкова. На съезде была принята резолюция, в которой содержалось положение о том, что монархическое начало «претерпевает колебания в своих собственных устоях» и что для преодоления кризисной ситуации необходимо устранить влияние «темных сил» и создать «сильное правительство, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе, однако ответственное только перед монархом»¹.

Даже этой неполной картины деятельности дворянских обществ и Объединенного дворянства во второй половине 1915 г. — 1916 г. достаточно, чтобы представить степень политических расхождений в дворянской среде, отразившихся на отношении к самодержавной монархии и к право-монархическим партиям. Характеризуя кризис «верхов», известный историк В.С.Дякин отмечал, что «значительная часть дворянских кругов и члены императорской фамилии оказались в лагере пытавшихся избежать революции путем каких-либо уступок»², т.е. перестали безоговорочно поддерживать Николая II и его правительство.

¹ См.: ГАРФ. Ф. 9599. Д. 81. Л. 293-300; подробнее см.: Бибин М.А. Совет Объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915-1916 гг. // Вестник МГУ. 1980. № 1. Серия 8. (История); Корелин А.П. Объединенное дворянство (1906—1917 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 349-351.

² Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. 1982. № 3. С. 75.

Н.Е.Марков, вспоминая уже в эмиграции о силах, прямо или косвенно способствовавших свершению февральского переворота 1917 г., указал на таких его участников, которые, казалось бы, должны были действовать в противоположном направлении: за дело взялись не «бомбометатели», не приверженцы «социальных вымыслов, не поносители чести русской армии», а «самые заправские российские помещики, богатейшие купцы, чиновники, адвокаты, инженеры, священники, князья, графы, камергеры и всех российских орденов кавалеры»¹.

Оценивая распространенность в различных слоях населения оппозиционного отношения к «верхам» и правительству, председатель совещания правомонархистов в Нижнем Новгороде К.Н.Пасхалов писал бывшему министру внутренних дел Н.А.Маклакову в октябре 1916 г.: «Настанет и даже настает момент, когда верховной власти не на кого будет больше опереться, как на наши, ныне пренебрегаемые группы русских людей, сохранивших еще любовь и преданность своему происхождению и историческим заветам»². Безоговорочная поддержка правыми партиями и организациями царя и его правительства даже в этой тяжелой экономической и политической ситуации имела следствием отход от них не только «общества», но и прежних их приверженцев. Отсюда — рост бессилия правых организаций.

Деятельность правых партий и организаций, правая печать, отражавшая эту деятельность, свидетельствовали об ее неуклонном угасании, о беспомощности правомонархистов в центре и на местах.

В «Дневнике» известного деятеля правого толка, редактора «Московских ведомостей» Л.А.Тихомирова имеется следующая запись за октябрь 1912 г.: «В народе же даже и для Вандеи нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми? Несчастный монарх, мне его до смерти жалко... Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение»³. Не исключено, что Тихомиров преувеличивал здесь падение влияния правых в массах, но в любом случае его признание очень симптоматично. В дальнейшем же эта оценка реальной значимости и роли правых, их партий

¹ Марков Н.Е. Войны темных сил. М., 1992. С. 121. Первое издание этой работы вышло в Париже в 1928—1930 гг.

² Минувшее. Т. 14. С. 199.

³ ГАРФ. Ф. 634 (Л.А.Тихомиров). Оп. 1. Д. 21. Л. 124 об.-125.

и организаций, получала лишь дополнительные подтверждения.

Предпринятый ДП МВД в конце 1915 г. опрос местных властей с целью выяснения состояния правых организаций дал неутешительные результаты. Как отмечал С.П.Белецкий в своих показаниях ЧСК Временного правительства 17 мая 1917 г., «деятельность означенных организаций выражалась главным образом в форме участия в церковных торжествах и посылке телеграмм; сами же организации в большинстве распались, большинство деятелей осталось старых, новых идейных работников почти не прибавилось. Причины этому заключались, с одной стороны, в том, что органы как центрального правительства, так и местного были отвлечены работой, связанной с обстоятельствами военного времени, а с другой стороны, в центре самих руководительных организаций происходили постоянно, а за последнее время в особенности, несогласия и раздоры»¹. И в другом случае Белецкий свидетельствовал: «Ответы эти мне показали, что... роль монархических организаций, в случае привлечения их правительством к какой-либо работе, не могла служить опорой для правительства...»². В настоящее время донесения губернских жандармских управлений, связанные с проводившимся ДП МВД опросом, опубликованы³. Эти материалы подтверждают сделанное Белецким заключение.

Приведем несколько выдержек из этих донесений, указывающих на причины бездействия и слабости местных правых организаций. Начальник Казанского ГЖУ, оценивая состояние правых организаций в губернии, писал 19 февраля 1916 г.: «Недостаток этих организаций заключается в том, что среди членов их нет достаточного количества людей настойчивых и энергичных, которые, обладая высоким образовательным цензом, могли бы взять на себя организационные функции. Простой же народ, при своей преданности девизу «За веру, царя и отечество», не

¹ Падение царского режима. Т. 4. С. 128; Правые партии. Т. 2. С. 678.

² Союз русского народа. С. 128; Правые партии. Т. 2. С. 722—723.

³ См.: Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах (публикация Ю.И.Кириянова) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 106—129; см. также: Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 52—59; Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны: Сб. научных трудов Гос. центрального музея современной истории России. Вып. 24. Кн. 3. М., 1999. С. 183-215.

является силой, способной вести партийную борьбу с членами революционных и прогрессивных организаций»¹. Начальник Тверского ГЖУ отмечал: «Насажденные люди хотя и идейными, и энергичными, и убежденными, но не обладающими связями и протекцией, организации эти, в громадном большинстве состоящие из людей простых, маленьких, этим самым сразу же осуждались влачить жалкое существование и постепенно замирали»². Один из активных правых деятелей И.И.Дудниченко писал из Одессы 29 октября 1916 г.: «Я с ужасом смотрю на развал работы и на полную никчемность правых организаций, которые спят и не противодействуют гибели России»³. 5 января 1917 г. К.Н.Пасхалов писал председателю правой фракции Гос. думы С.В.Левашову: «Дело наше глохнет, а революционное процветает»⁴.

Деятельность и центральных органов правых партий, и руководства местных организаций как по содержанию, так и по масштабам была весьма ограниченной. Изредка выпускались и рассылались «циркулярные письма». Но сколько-нибудь серьезные контакты с местными организациями поддерживал лишь Дубровинский СРН. Значительная же часть работы сводилась, как уже было отмечено, к направлению телеграмм в адрес царя, премьера, министра внутренних дел.

Деятельность правых даже в особых условиях войны продолжалась, как и ранее, в рамках отстаивания их обычных положений. Правомонархисты не смогли выдвинуть экономической программы, которая увлекла бы рядовых «союзников». Для простых тружеников — рабочих, крестьян, солдат оставалась неясной экономическая перспектива, связанная с окончанием войны.

Наиболее широкой областью, где могли проявить себя правые, была издательская деятельность. Выпускалось несколько центральных газет и газет-журналов и немало местных, причем некоторые из них имели не только региональную известность.

При всей специфике правой печати в ее адрес нередко направлялись слова благодарности и признательности. Так, П.Ю.Юрчук писал из Волковыска Гродненской губ.

¹ Вопросы истории. 1996. № 4. С. 150.

² Там же. С. 138.

³ Минувшее. Т. 14. С. 202-203.

⁴ Там же. С. 211-212.

А.И.Дубровину 1 января 1912 г., что «Русское знамя» бывало «часто последней надеждой обиженных найти защиту...»¹. Пахомовский отдел СРН (в Липовецком уезде Киевской губ.) направил в адрес «Вестника Союза русского народа» в мае 1912 г. письмо, в котором говорилось: «Еще примите от нас благодарность за вашу почетную газету «Вестник СРН». По доступности, понятию, направлению, дешевизне она должна находиться в каждом доме патриотической семьи, воспитанной в духе православия и самодержавия. Будем всеми силами стараться увеличить число ее читателей и подписчиков»².

Однако, в резко ухудшившихся условиях военного времени как бы заданная прямолинейность, негибкость, «отсутствие интеллигентных сил», улавливающих злободневные вопросы и подсказывающих их решение, распри между руководством центральных партий, отражавшиеся и в органах печати, привели к тому, что, по свидетельству самих правых, их печать (и центральная, и особенно провинциальная) была ниже критики и имела «весьма ограниченное распространение»³. Правые газеты, как отмечал в октябре 1915 г. председатель Одесского СРЛ Н.Н.Родзевич, «часто мало осведомлены и, увы, мало распространены»⁴. На совещании губернаторов центральных губерний летом 1916 г. отмечалось, что «газет правого направления в провинции мало, а газеты «Русское слово» и «Копейка» у всех в руках»⁵. На собрании общества деятелей правой периодической печати в ноябре 1916 г. прозвучали такие слова: «...нас никто не читает. В правой прессе нет талантливых работников, нет информации. Наши газеты выписываются только правительственными учреждениями по приказанию начальства, или людьми, которые обязаны это делать по своему общественному и служебному положению»⁶.

И.И.Дудниченко (Одесса) писал 29 октября 1916 г.: ««Русское знамя» ведется возмутительно. — Не газета, а

¹ П.Ю.Юрчук (Волковыск) — А.И.Дубровину (СПб.). 1 • января 1912 г. // ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 813. Л. 40-40 об.

² Вестник Союза русского народа. 1912, 2 июля. № 107. С. 3.

³ См.: Марков Н.Е. Указ. соч. С. 147.

⁴ Отчет о деятельности Одесского СРЛ за 9-й год существования (с 1 октября 1914 по 1 октября 1915 г.). Саратов, 1916. С. 1 (ГАРФ. Ф. 102.00. 1915. Д. 244. Т. 2. Л. 67).

⁵ Красный архив. 1929. Т. 2(33). С. 156.

⁶ См.: Земщина. 1916, 15 ноября. № 291. С. 3.

какой-то злобный листок... люди бегут от такой пустоты и выписывают газеты противоположного направления»¹. Ему вторил в начале января 1917 г. участник Саратовского совещания правых, который вопрошал: «Но неужели можно считать какой-либо силой Маркова или «Земщину», «Колокол», саратовскую «Волгу»?» и отвечал: «Это рептилии, а не сила...»². Жизненные невзгоды, углублявшийся кризис переключали внимание даже прежних читателей правой печати на газеты оппозиционного направления.

В обострившихся условиях экономического и политического кризиса конца 1916 г. — начала 1917 г. находившиеся в столь незавидном положении правые партии и организации мало что могли сделать для спасения монархии и династии. Приведем «хронику» конкретных шагов правомонархистов в столице в феврале 1917 г.

2 февраля 1917 г. на заседании Особого совещания по обороне государства прозвучало выступление Н.Е.Маркова. В нем выражалась тревога по поводу сложившейся в стране ситуации (но не более того) и повторялись некоторые предложения правых, причем почти с полной убежденностью, что они не будут приняты. Согласно краткой записи, Н.Е.Марков говорил: «Народу — мнение, царю — власть. Мы думаем, к царю надо идти, но зная, с чем идти и для чего идти. Что надо сделать, чтобы выйти из этого положения? Говорят, что угля нет, продовольствия нет. Когда мы говорили, что нужно закрыть театр, кинематограф, разве вы это поддержали? Говорят о героических мерах. Давно пора. Смерть — мародерам. А вы это поддержите? А уклонение от воинской повинности! Нет в Москве богатого купца, который бы не отлынивал от воинской повинности... Не надо скрывать — это вредно»³.

В феврале Н.Е.Марков 2-й продолжал готовить очередную съезд правых партий и организаций, который был задуман еще осенью 1916 г., но правительство все время откладывало разрешение на его открытие. 24 февраля 1917 г. Н.Е.Марков подал заявку на выступление в Думе, но реализовать свое намерение не сумел, так как 26 февраля она была распущена. Единственный реальный шаг в эти трагические для самодержавия февральские дни (кроме

¹ Минувшее. Т. 14. С. 202-203.

² Там же. С. 213.

³ См.: Былое. М., 1994, октябрь. № 10.

телеграмм Н.Н.Тихановича-Савицкого) предприняла элитная часть правых — члены Гос. совета А.А.Ширинский-Шихматов, А.Ф.Трепов и Н.А.Маклаков. Явившись 25 февраля на заседание Совета министров, они рекомендовали от имени правой группы Гос. совета ввести осадное положение¹.

Предполагавшееся же некоторыми правомонархическими лидерами выступление крестьян, провинции в критический момент, когда «грянет гром», в защиту монархии и царя² не произошло. Правомонархические партии и организации ни в центре, ни на местах, в провинции, не смогли выйти из «летаргического сна», в котором, согласно их же признанию, они пребывали с 1916 г. •

Обозревая развитие Союза русского народа за все время его существования — с конца 1905 г. до начала марта 1917 г., — Н.Е.Марков вынужден был признать, что в своем «скорбном отступлении» он «растерял множество сторонников и большинство своих руководителей и из могучей действенной и грозной для врагов народной силы мало-помалу превратился в организацию пропаганды идей самодержавия и идейной борьбы с темными силами. Полки превратились в академии... Фактически идея конституции в образе Гос. думы победила идею самодержавия в лице Союза русского народа»³.

2 марта Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила, но последний на следующий день уклонился от принятия престола (до решения Учредительного собрания). Никаких массовых выступлений наподобие тех, что имели место в 1905 — 1906 гг. после публикации Манифеста 17 октября, не последовало.

Крайне правые (Н.Е.Марков и др.) не предвидели столь скоротечного хода событий⁴. Их заявления о необходимости решительных действий в условиях обострения экономического и социального кризиса в феврале 1917 г. оставались не более чем пожеланиями, которые, по их же

¹ См.: Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 278-279.

² Об этом писали А.А.Бонковский (Ананьев Херсонской губ.) в ноябре 1915 г., Н.Н.Тиханович-Савицкий и В.А.Образцов в ноябре 1916 г. (См.: Минувшее. Т. 14. С. 156).

³ Марков Н.Е. Указ. соч. С. 119-120.

⁴ Н.Е.Марков в показаниях ЧСК Временного правительства 24 июля 1917 г. свидетельствовал: «Революции я не мог предвидеть и не предвидел...» (Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 183, 196).

признанию, не воспринимались представителями властных структур. В момент же февральско-мартовских событий 1917 г. и отречения Николая II крайне правые и их руководство в дополнение ко всему оказались психологически «подавленными» и неспособными к каким-либо действиям. Вот одно из редких свидетельств состояния Н.Е.Маркова, приведенное со слов лица, близкого к нему. Он «в тот день, когда в Петрограде восстали войска и были заняты ими правительственные учреждения, с [утра] уже не выходил из дома и находился в страшном возбуждении. Маркову непрерывно звонили по телефону, извещая о происходящем на улицах Петрограда. Около 3-х часов дня Маркову опять-таки по телефону сообщили, что толпа направляется к его квартире. Марков, отойдя от телефона, стал рвать на себе волосы, крича, что он погиб. Затем упал на колени перед домашними, умоляя простить его... Затем Н.Е.Марков бросился бежать из квартиры, надев пальто только в один рукав. За ним следом пошел дворник... Выйдя из дома, Марков свернул в переулок и долго блуждал по менее людным улицам, а затем, подойдя к одному дому, ...вошел в дом. С этой минуты никто из прислуги больше не видел Маркова»¹. Даже с учетом возможных искажений, связанных с публикацией этого текста в газете иного политического направления, это свидетельство все же весьма показательно.

Правые партии потерпели крах тогда, когда продолжали оставаться не только легальным, но и, по всей видимости, наиболее многочисленным партийным объединением в России. Даже если принять во внимание, что их численность с первой половиной 1916 г., когда был произведен опрос, показавший наличие у правых примерно 45 тыс. членов, сократилась, можно полагать, что формально в правых партиях и их местных организациях оставалось 30—35 тыс. членов (заметим, что накануне Февральской революции 1917 г. в большевистской партии насчитывалось примерно 12—15 тыс. членов). Хотя партийные силы пытались использовать и направить ход событий в начале 1917 г. в своих интересах, массовое уличное движение в основном происходило спонтанно. «Подготовили» же февральско-мартовские события 1917 г., опираясь на объективно сложившиеся условия, не только партийные силы, но и легально действовавшие общественные организации — Земский и Городской союзы, Центральный военно-

¹ См.: Бегство Маркова 2-го // Речь. 1917, 14 апреля.

промышленный комитет и другие, на опасность которых не уставали указывать с 1915 г. и сами правые. И не случайно в середине февраля 1917 г. Г.Г.Замысловский публично заявлял, что Земский и Городской союзы — это второе правительство, находящееся в руках Прогрессивного блока¹. При этом нельзя не отметить, что союзники России (послы Англии и Франции и правительства этих стран) уже в 1915 г. и особенно в конце 1916 — начале 1917 гг. достаточно откровенно поддерживали российскую оппозицию и ее видных деятелей в Гос. думе и в средствах печати. В этой связи достаточно напомнить уже приводившиеся факты из телеграммы председателя ОПС В.Г.Орлова на имя министра внутренних дел А.Д.Протопопова от 8 февраля 1917 г. о покровительстве послов Англии, Италии таким деятелям как П.Н.Милюков, А.Амфитеатов. Ненормальность сложившегося положения констатировал и Л.К.Куманин в донесении из Министерского павильона Гос. думы от 15 февраля 1917 г. В донесении говорилось: «Из советских кругов передают, что в последнее время английский посол Бьюкенен принимает активное участие в тактике русских оппозиционных групп (так называемой «умеренной оппозиции»). Бьюкенена часто посещают: граф Игнатъев, А.И.Гучков, М.В.Родзянко и П.П.Рябушинский, когда последний приезжает из Москвы в Петроград. В английской печати последнего времени открыто обсуждается вопрос о том, с кем идти Англии — с русским ли правительством или с русским обществом и Гос. думой. Английская печать разрешает вопрос в пользу последнего. По-видимому, такое же убеждение сложилось и у сэра Бьюкенена, осведомляющего лондонскую печать о внутреннем положении России»². В.И.Ленин уже в первые дни марта 1917 г. напишет: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помечать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго... с Вильгельмом II, непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова»³.

¹ Земщина. 1917, 17 февраля. № 44. С. 3-4.

² Вопросы истории. 2000. № 6. С. 16.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 16; см. также: С. 14, 17.

Подобная оценка находит подтверждение и в мемуарной литературе¹.

С другой стороны, Германия в годы войны выделяла денежные средства «на пораженческую пропаганду» в России и активизацию массовых выступлений, более того — на «подготовку всеобщей политической стачки»². Правомонархисты в своих обращениях к рабочим не раз указывали на это, хотя и не располагали конкретными данными³. Но в условиях ухудшения экономического положения призывы правомонархистов против стачек не встречали поддержки рядовых «союзников», возможная же денежная «подпитка» рабочих выступлений могла способствовать обострению ситуации в стране.

В свое время приводилось немало объяснений «безмолвия» правых в феврале—марте 1917 г. В качестве одного из аргументов в пользу такой тактики указывалось на нежелание какими-либо массовыми выступлениями повредить армии и фронту. Один из правых деятелей А.Муретов в 1917 г. выпустил книгу, где писал: «С первых дней революции 1917 г. не раз приходилось слушать вопрос: где же правые? где монархисты, идейные сторонники правого строя? Ответить на вопрос во всей его широте никто не может, потому что организованной партии монархисты в России последние годы не составляли, а под названием «правых» объединялась в обычном языке неопределенная масса весьма разрозненных элементов... Наше поражение было так полно, что оставалось лишь молча уступить поле победителям. Если бы мы и имели надежду увлечь за собою горсть людей, было бы противно нашей совести начать идейное междоусобие в дни, когда в полном единодушии всех виделась сила России в великой борьбе с нашим врагом»⁴.

¹ Так, в 'одном из берлинских журналов автор, скрывавшийся под инициалами «Ф.В.», писал весной 1919 г.: «...в самый разгар борьбы, когда уже намечалась общая победа наша и союзников, послы Франции и Англии, — особенно Англии, — приняли участие в государственном заговоре... [Бьюкенен и Палеолог оказали] содействие совершившемуся перевороту». См.: Луч света. Кн. II. Берлин, 1919. С. 23.

² См.: Хэреш Ел. Царская империя. Расцвет и уничтожение. СПб., 1992. С. 186-187; Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997 [Париж, 1984]. С. 82-84, 90, 92, 97, 106, 107; Пайпе Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 50.

³ См.: Орлов В.Г. Слово к русскому рабочему. М., 1915. С. 5, 8.

⁴ Муретов А. Накануне. Пг., 1917. С. 3.

В числе причин пассивности правых указывалась и такая: «Свергал царя не народ, а генералы, имевшие под начальством войска»¹.

Правые организации не оказали никакого сопротивления и после издания распоряжения новых властей об их запрещении. Это было характерно и для руководства партий (союзов), и для местных организаций. Отвечая на вопрос ЧСК Временного правительства о судьбе Союза русского народа-обновленческого после февраля 1917 г., его руководитель Н.Е.Марков показал: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, — в том числе и я, пока не арестован, — мы скрываемся». И далее: «Я беглец, скрывающийся от нападения врагов»². Материалы ряда окружных судов 1917 г., занимавшихся по заданию ЧСК выяснением судьбы местных правых организаций и их руководителей, свидетельствуют о прекращении какой-либо деятельности этих организаций, их отделов и подотделов, а в ряде случаев и об уничтожении документации³. А.И.Дубровин, Н.Н.Тиханович-Савицкий, Е.А.Полубояринова (наряду с «высокими» покровителями И.Г.Щегловитовым, Н.А.Маклаковым и др.), были арестованы. В начале марта были арестованы С.А.Кельцев, В.Г.Орлов, в июне — Н.Е.Марков, хотя их, как и Полубояринову, вскоре освободили. Ситуация на периферии была сходной. Так, в Воронеже местные руководители СРН Н.Н.Пантелеевский, Орлов, Р.М.Карцев и Виноградов уже в первые дни революции были подвергнуты домашнему аресту. Р.М.Карцев же по доносу о незаконном хранении оружия дважды — в марте и апреле — арестовывался⁴.

Уже в середине марта 1917 г. Временный комитет Думы вынес постановление о том, что получение депутатами Думы субсидий от царского правительства для политической агитации было несовместимо со званием народного представителя⁵. В этой связи ряду видных деятелей правых — Н.Е.Маркову, Г.Г.Замысловскому и др. — при-

¹ Пеликан Б. Черносотенство // Русский стяг. Белград, 1926, 12 сентября (30 августа).

² Падение царского режима. Т. 6. С. 195.

³ См.: Вопросы истории. 1996. № 10. С. 130, 134-135.

⁴ См.: Рылов В.Ю. Правомонархическое движение в Воронежской 176. (1903-1917 гг.). Дисс. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С. 150.

⁵ День. Пг., 1917, 17 марта.

шлоось давать разъяснения в том духе, что, получая определенные средства от правительства, они не были связаны с ДП МВД и не выполняли каких-либо его поручений¹. Н.Е.Марков, В.Г.Орлов, В.П.Соколов, Е.А.Полубояринова, Г.Г.Замысловский, Н.П.Тихменев, А.И.Коновницын и ряд других деятелей центральных и местных организаций привлекались ЧСК в качестве свидетелей.

Немало правых — по крайней мере формально — порвали или принуждены были порвать со своим прошлым. Уже 10 марта 1917 г. в печати было опубликовано заявление Г.Г.Замысловского на имя председателя Думы. В нем говорилось, что он «признает Временное правительство и обязуется повиноваться»².

Известна листовка «Солдаты! Матросы! Рабочие!» от 25 марта 1917 г., подписанная В.Пуришкевичем. В ней свершившийся переворот назывался «великим» и говорилось об «облеченном доверием народа» Временном правительстве». В качестве задач в листовке указывались «поддержание и укрепление нового строя», пресечение попыток посягнуть «на права завоеванной русским народом свободы» и достижение перелома в борьбе с внешним врагом, ибо «его победа повела бы к возвращению в России старого строя и тех людей, которые его поддерживали, вызывая проклятия к себе всех классов русского общества и всех его сословий»³. Даже подвергая сомнению достоверность авторства этой листовки, не приходится, однако сомневаться, что В.М.Пуришкевич после февральско-мартовских событий 1917 г. был на стороне нового строя (хотя в ЧСК Временного правительства для дачи показаний он не явился, возможно, опасаясь, что ему припомнят его деятельность в СРН в 1905—1907 гг.)⁴. По свидетельству Н.А.Энгельгардта, В.М.Пуришкевич направил в 1917 г. открытое письмо А.Ф.Керенскому, предлагая свою «трудовую руку» для общей работы на фронте. По словам Энгельгардта, Керенский даже держал Пуришкевича какое-

¹ См.: День. Пг., 1917, 18 марта (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1335. Л. 39).

² См.: День. 1917, 10 марта.

³ ГОПБ. Фонд архивного хранения. Коробка 46/4. № 624367.

⁴ См.: Дневник В.М.Пуришкевича за 1917 г. Публикация И.С.Розенталя // Исторический архив. 1996. № 4; Розенталя И.С. Пуришкевич в 1917 г. // Сборник статей, посвященный 60-летию В.В.Журавлева. М., 1998.

то время в Зимнем дворце «под арестом» с целью «охранить» его от неприятностей¹.

Г.И.Кушнырь-Кушнырев, являвшийся с конца 1916 г. членом Главной палаты СМА², давая показания в апреле—мае 1917 г. ЧСК, отказывался от своей причастности к правомонархическим организациям³.

В.Г.Орлов 25 марта, находясь на гауптвахте в Ташкенте, обращался по телеграфу в Москву к комиссару Челнокову, а также в редакции газет «Русское слово», «Раннее утро», «Русские ведомости» и других с просьбой о справедливом к себе отношении. В телеграмме говорилось: «В газетах пишут [о] каких-то моих выступлениях против нового правительства. Клевета. Все дни [в] течение исторических событий ни одним жестом против войск, народа, нового правительства не пошел... От старого правительства остался бедняком, [имея] семь человек необеспеченных детей. [Во] всей детельности никогда не допускал неблагоприятных приемов, за что уважали даже противники... Выехал [из] Москвы [2 марта] больной, просто отдохнуть [от] пережитых волнений. Кроме того, сыпались угрозы даже правых за равнодушие [к] происходившим событиям, ибо совершенно уклонился [от] всякой тогда деятельности, выступлений. Газеты натравливают общество против меня, обвиняя [в] каких-то арестах моим именем. Восстановите правду, строго карайте провокаторов. Ничего общего с ними не имею. Отечественный союз никогда погромной организацией не был... Прошу срочного освобождения для возвращения в Москву»⁴. Одной из причин скорого, быстрого признания нового правительства был факт отречения самого монарха. На это прямо указал граф А.И.Коновницын. Он говорил ЧСК Временного правительства в 1917 г.: «Прошу внести в показание, что раз бывший царь отрекся от престола и тем освободил меня от присяги, то я подчиняюсь Временному правительству и

¹ Энгельгардт Н. Эпизоды из жизни: Восп. [1934 г.?] Публикация С.В.Шумихина // Минувшее. Т. 24. СПб., 1998. С. 61.

² Его присутствие в качестве члена Главной палаты на заседании 4 декабря 1916 г. зафиксировано протоколом (см.: Правые партии. Т. 2. С. 597).

³ См.: Протокол допросов Г.И.Кушнырь—Кушнырева и его жены Л.М.Кушнырь—Кушныревой. 11 апреля — 5 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1012.

⁴ ГАРФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 548. Л. 5-7.

всем его распоряжениям»¹. Некоторые правые заявляли даже об изменении прежних убеждений во имя интересов страны. Так, в июне 1917 г. С.А.Кельцев обратился в Комиссию по обеспечению нового строя с просьбой разрешить ему переехать в станицу Глазуновскую области Войска Донского — на родину жены. При этом он писал: «От всякой политической деятельности я окончательно стал в сторону, в выражении своего взгляда на происходящее присоединяюсь к партии Народной свободы и даже примыкаю к с.-д. «меньшевикам», того требует положение Родины. Совершаю все также чистоплотно и искренне, как будучи председателем Монархического союза...»². Если оставить на совести автора последнюю фразу, его заявление весьма показательно.

Давний противник правых, член Гос. совета и член ЧСК в 1917 г. проф. Д.Д.Гримм уже в эмиграции в 1920 г. следующим образом характеризовал судьбу правых после революции: «Старые русские партии умерли... Они отжили... прежде всего потому, что все они оказались во время революции не на высоте положения. Ни одна из них не сумела исполнить свое дело, мирно организовав более или менее широкие слои населения и ведя их по пути творческого строительства русской жизни. Тотчас после революции, низвергнувшей престол Николая II, все правые партии как бы исчезли с лица земли, свидетельствуя этим о том, что они не сумели создать себе твердую почву в каком-либо серьезном общественном слое. Часть их членов отошла в сторону, часть сделала ряд неудачных попыток создать новые партийные организации, приуроченные к новым условиям». Часть правых устремилась в ряды других партий, в том числе «в ряды недавно еще ненавистных им кадетов»³.

* *

К 1917 г. российское самодержавие исчерпало свои силы, потеряло опору и в «верхах», и в «низах» общества. Одновременно потеряли всякую реальную силу и значи-

¹ Союз русского народа. С. 277.

² ГАРФ. Ф. 504. Д. 545; см. также: Русские писатели. 1800—1917: Биографический справочник. Т. 2. М., 1992. С. 528.

³ Гримм Д.Д. Гальванизация трупа // Россия. София, 1920, 13 декабря. № 34. С. 1.

мость право монархические партии, «преобразованные» еще П.А.Столыпиным в объединения законопослушных верноподданных, имевших право быть лишь советчиками царя и его правительства и превратившихся в организации пропаганды и идейной борьбы самодержавия с враждебными силами. Поэтому не случайно, что эти партии разделили в 1917 г. судьбу российского самодержавия.

В 1918—1919 гг. предпринимались попытки создать на Юге страны и даже на советской территории монархические организации и возродить движение с целью «восстановления монархии, законного царя»¹. Но эти попытки были весьма разрозненными и не увенчались успехом.

¹ См.: Монархист. Вып. I. Ростов-на-Дону, 1918. С. 23—25; Вып. II. С. 61.